

Мария Уварова

Биография

Мария Уварова родилась в г. Петропавловске в 1989 году, окончила Медицинский Университет г. Астана в 2010 году. В настоящее время работает в частной организации, деятельность которой связана с медицинскими изделиями и оборудованием. Первые попытки писать стихи предпринимала с дошкольного возраста, познакомилась с творческим сообществом г. Петропавловска в 14 лет и впервые выступила на фестивале в 15 лет. За время учебы в г. Астана участвовала и занимала призовые места в ряде поэтических конкурсов, концертов и фестивалей, была активным членом Литературного Объединения «Истоки» и посещала встречи Клуба Творческой Интеллигенции «Вдохновение». В настоящее время входит в состав членов Литературного Объединения г. Петропавловска. Её стихи были опубликованы в альманахе ВУЗа, а также литературных журналах «Нива», «Провинция» и газете «Целина».

Избранное

Быть грозе

Ему не всё равно.
От плесени бездушья
Уже свербит в носу
У парня из газет.
В груди его давно
И пасмурно, и душно.
Не страшен больше суд.
А значит, быть грозе.

Не грех и умереть
При штурме стен порока.
Иерихонских труб
Услышь призывный вой.
Эвфониума медь
Изловит искру тока,
Сорвавшуюся с губ
Сверкающей стрелой.

Зачем ты снова лжёшь
Витиеватым слогом,
Раз хочется греметь,
Как первый летний гром?
Греми! – И хлынет дождь,
Благословлённый Богом,
Истерзанную медь
Лаская серебром.

Я стояла у самого края
Нарисованной Богом марины
И вдыхала закатные дали,
Напитавшие охрой отлив.
Озорные барашки, играя,
Выгибали махровые спины
И, ворча, неуклюже лизали
Музыкальные пальчики ив.

Собирая рассыпанный бисер,
Солнце таяло каплей глазурной,
Оплавлялись лучи, догорали,
Выцветал, истончался багрец.
И на миг мне почудилось: с высей
По дрожащей дорожке пурпурной
На сырые пески литорали
Нисходил, улыбаясь, Творец.

Паук

Дрожат ослабшие колени,
Наморщен лоб. Глаза – сухи.

Трусливо жмутся к стенам тени,
Гнетущих мыслей пастухи.

Тоска оковывает тело
И комом в горле душит звук.
Гляди, как ловко и умело
В углах тенёта сплёл паук.

Вся жизнь твоя сокрыта в танце
Восьми немилостивых ног.
Слились в мистическом посланце
Планида, Смерть и, может, Бог.

Всё ближе жвалы ледяные,
Всё больше лапы-челноки
Волокна тонкие льняные
Хотят воткать в твои виски.

Ни плоть, ни твердь, ни пепелище
Не примут твой смятенный дух.
Один лишь деспот-паучище
Свивает кров для вас, для двух.

Убито ядом состраданье,
До капли выпиты слова.
Вокруг лишь зыбкое молчанье
Да паутины кружева.

Встреча с прошлым

Я ожидала слезы солонее,
Речи отрывистой, взгляда честней.
Сердце должно было биться сильнее,
Так, чтоб подумали: «Что это с ней?»

Как же из рук ничего не упало?
Где же на лбу проступающий пот?
Что же неладно? Чего не достало?
Маски не те? Или возраст не тот?

Может, обсудим капризы погоды?
Выясним, чья же судьба тяжелей?
Брось, прямодушие вышло из моды -
В горле увязнет, как ложка в желе.

Сколько же лет мы не виделись? Девять?
Десять? Сто десять? Теряется счёт.
Может, судьба на нас снова оденет
Маски не те. ...Или возраст не тот?

Как же не выдать своё безразличье?
Вскрикнуть? Нахмуриться? Дёрнуть плечом?
Дни улетели, в них есть что-то птичье.

Это всё осень, а мы ни при чём.

Порознь смотрим, как падают листья,
Каждый острожник в своей пустоте,
Ждать переставший любви и амнистии.
Возраст не тот? Или маски не те?

Круг на снегу

С неба белые валят хлопья,
С крыш свисают сосулек копыя,
Месяц – кипенное пятно.

Мир стал мельче, а день – короче.
В келье новой бессонной ночи
Я сижу и смотрю в окно.

Ни машин, ни людей, ни пташек.
Лишь буран завитки барашек
Снеговых продолжает вить

Да охапки ветвей полощет.
Но одна небольшая площадь
Продолжает незримо жить.

Поздней ночью на той площадке
Чьи-то тени играют в прятки,
Звездам молятся фонари,

Чтоб под утро, волшебный словно,
Снег на площадь ложился ровно
И искрился в лучах зари.

Покрываясь от грез румянцем,
Я слежу за снежинок танцем,
Ни на миг не смежая век.

Только вдруг происходит чудо:
На площадке из ниоткуда
Появляется человек.

Он босой и в одеждах странных,
А в лучах фонаря шафранных
Не увидишь его лицо.

Несмотря на мороз и вьюгу,
Он идёт, но идет по кругу,
Замыкая следы в кольцо.

Траекторию сумасброда
В резонансе с метели ходом
Повторяю движеньем рук.

Может, ночью и в одиночку
Он огромную чертит точку
Или сердца порочный круг?

Прорывая тоски запруду,
На меня навалилась грудой
Дум волнующих толчея.

Неужели тот странный малый,
Круг следами врезая впалый,
Видит то, что не вижу я?

Разум лжёт – ведь в душе не пусто!
И зима не остудит чувства,
Мне плевать на её пургу!

В моем сердце открыты двери,
Я ведь всё ещё верю, ВЕРЮ,
И МЕЧТАТЬ, и ЛЮБИТЬ могу!

...Губы бледные в кровь кусая,
На площадку иду босая,
Будто вовсе и нет пурги.

Превратив в многоточье точку,
Заметенных следов цепочку
Освежают мои шаги.

Бескрылые

Самые честные души – бескрылые.
Их не найти среди звезд или птиц.
Прежних огней полутени остылые
Слиты с полотнами книжных страниц.

Им суждено заполнять междустрочия,
Скручивать в пряжу сюжетную нить
И на тревожном краю многоточия
Ласковым шепотом в бездну манить.

Друг по перу, услышавший вибрации
Нервов тончайших под корками книг,
Сбрось из сознания ярмо гравитации
К лоску столиких авгурских интриг.

Вытри глаза с поволокою патины,
Сделай блестящими, как медяки.
Знай: авторучка острее рогатины
Под направлением смелой руки.

Линзой сердечности ум растревоженный

Весь собери. И восстань маяком -
Даже истерзанный, вчетверо сложенный,
В клетке листа под сургучным замком.

Самые честные души – бескрылые,
Их не влечёт зимовать на Парнас.
Плещут свой свет они в бездны унылые,
Плещут и ищут потерянных нас.

В хляби смятенья мы тянемся к вам -
Души, отдавшие крылья словам,
Те, кто оставил свой рай ради нас,
Кто, угасая, не гас.

Да, я точно помню: были реки,
Были чайки, лодки, рыбаки,
Мачты – одноногие калеки -
Белые накинули платки.

Я в воде стояла по колено,
Намочить одежды не боясь,
И смотрела, как речная пена
С валунов облизывает грязь.

А неподалёку на причале
Ждали пассажиров корабли.
Чайки чьи-то имена кричали.
Птицы приглашали – люди шли.

Но меня не приняли на судно:
Время не настало, говорят.
...Там, за миром спящих беспробудно,
Кто-то голосил: «Разряд! Разряд!»

В темноте

С наступлением тьмы созревают
Самых страшных чудес колоски.
Одомашненный мир оживает
Расписным миражом колдовским.

Хищно скалятся пыльные вещи
Из чернильниц подшкафных пещер,
Выдыхает карминно-зловещий,
Душный свет кривоногий торшер.

Еле слышно дрожат занавески,
Просевают зернистую мглу.
Запах ночи, глубокий и резкий,
Смольной кляксой собрался в углу.

Ветви ивы бросают на стены
Сизый нитяный сгусток теней,
Ива плачет, и тени-гиены
В буйном плясе глумятся над ней.

Воздух с улиц морозно разрежен,
Небосвод – точно крапчатый плед,
Где скользит между облачных пежин
Лунный диск, белолобый аскет.

Урони же хоть каплю надежды
В этой тьме горьководый Коцит -
Пусть раскроется лотосом нежным
И в алмаз превратит антрацит.

Потерянные края - это края, которые нельзя явно увидеть между формами. Потерянные края позволяют создать эффект глубины пространства, таинственной дымки или тумана, либо кромешной мглы. (С.Сарбек)

Потерянные края

Бывает, рисуешь цветами чистыми
потерянные края
и галочки птиц над лазурью пристани,
где лодка стоит твоя,

и вглядываешься в белое-белое,
и слышишь хрустальный зов,
и кистью наносишь линию смелую,
замазывая швартов.

Уносит ладью далеко от пристани
течениями судьбы;
под носом её барашки расхристаны
на сотни искристых «бы»,

вокруг только бездна синяя-синяя,
и кто бы подозревал,
что курс – на ладони кривая линия,
а после – девятый вал.

Ах, сколько таких, края уточняющих,
свои корабли сожгут,
меж гребней волн, очертанья меняющих,
прокладывая маршрут,

ведь грёзы не тонут за утопистами –
встающие на крыло,
зовут они песнями серебристыми
туда, где белым-бело.

Ночь записывает ноты
Вороньём на проводах
И мелодию дремоты
Разливает в городах.

Небосвод уравновешен
На распорках «рычагов»
У очиненных наверхий
Электрических столбов.

Иногда с дороги млечной,
Заступив за край небес,
Вниз летит пятиконечный
Драгоценный разновес -

И следят многоэтажки
Желтоглазой стаей сов
За качаниями чашки
У космических весов.

По костям площадей,
По макушкам людей
Ходят гаеры громкие, злые.
Облачается каждый лихой лицедей
В несуразные маски резные.

А за маской резной –
Глаз истомленных зной,
Где соленая влага сочится.
Ах, какой нестерпимо густой желтизной
Пропитались недвижные лица!

Что ты мечешься тут,
Обозлившийся шут?
Уши улиц залеплены плиткой,
И прохожие тоже тебя не поймут,
Оглушенные собственной пыткой.

Вспомни беды свои,
И победы свои.
Губ бескровных чуть дрогнет полоска,
И отстанут, сойдут – за слоями слои –
Бесполезные маски из воска.

Треснет настыль клевет,
Обнажится просвет
Не крупнее игольного ушка,
И пронзительный свет, поразительный свет
Полоснёт по костям, по макушкам.

